

В глазах Гоуданя Се Сюэ всегда оставался человеком-невидимкой. В общезнании ли, на занятиях — его присутствие никто толком не замечал. Он почти не разговаривал, всё время читал и мог целый день напролёт провести наедине с очередной книгой.

Классический книжный червь. И надо же — именно этот нелюдимый парень теперь уезжал за границу, да ещё и за государственный счёт! Естественно, однокурсники исходили чёрной завистью.

Сегодня друзья собрались как раз ради того, чтобы проводить Сюэ. В этот раз встречать Новый год на родине ему уже не светило.

За исключением Дэн Цзяхуэя и Ван Фана, которые никак не могли вырваться, за столом собрались почти все: пришли и Чжао Шэн с Чэнь Вэньлаем, и столичные однокурсники, и те, кто после распределения осел работать в столице.

Многие откровенно завидовали. Шутка ли — заграница! Поговаривали, что тамошние жители купаются в роскоши: у каждого в семье по легковушке, живут в двухэтажных коттеджах, а дома у всех стоят городские телефоны. О таком уровне жизни мечтали многие. Если раньше связи за рубежом считались позорным клеймом, то теперь ими хвастались на каждом углу. Заграничные деньги ценились невероятно высоко — обменяй даже крошечную сумму на юани, и ты уже богат.

Это напоминало лихорадку вокруг тех счастливиц, чья родня уехала в Гонконг или на Тайвань. Стоило таким родственникам раз в год приехать повидаться, как принимающая сторона трубила об этом на всю округу.

Из разговоров Гоудань узнал, что ещё двое их однокурсников тоже пакут чемоданы. Оба сумели выбить квоты уже на работе. В последнее время государство ежегодно отправляло партии молодых специалистов в развитые страны. Власть надеялась, что эти умы, на которые возлагала упования вся нация, вернутся с багажом знаний и помогут поднять отечественную промышленность и технологии на новый уровень.

Попасть в эти списки было делом непростым: требовались либо солидные связи, либо статус признанного аса в своей сфере. За каждую вакантную строчку за кулисами разыгрывались нешуточные баталии, так что победителям действительно сопутствовала невероятная удача, подкреплённая недюжинными способностями.

Бог знает когда, но молодёжь словно помешалась на этой заграничной лихорадке. Парни и девушки, отродясь не учившие английского, затирали до дыр оксфордские словари, надеясь хоть так подготовиться к прыжку за рубеж. Правда, язык у них получался мёртвым, «немым» — Гоудань лишь посмеивался про себя, не понимая, какой прок от зазубривания слов, если ты и двух предложений связать не можешь.

Сам он этих восторгов не разделял. Какая заграница, какая учёба? Для него и местный-то университет был лишь скучной обязателькой, на которую он пошёл исключительно ради

будущих перспектив. Грызть гранит науки за океаном, когда он терпеть не мог сидеть за партами? Увольте, тоска смертная.

Одно дело — съездить за кордон туристом, поглазеть на чудеса капиталистической экономики, как они в своё время ездили в Гонконг. Но тратить годы на лекции... Нет уж, покорно благодарим. Заграничная наука — всё та же зубрёжка.

Едва вздохнув с облегчением после получения диплома, добровольно обрекать себя на новые мучения Гоудань не собирался.

Даже на курсы иностранного языка он в своё время записался только ради того, чтобы без переводчиков разбираться в оригинальных трудах по экономике, а вовсе не ради заморского диплома.

Виновник торжества, Се Сюэ, почти всё время помалкивал. На шутки и подколки товарищей он лишь смущённо улыбался. Гоудань дружески приобнял его за плечи.

— Дружище Се, твоя застенчивость там боком выйдет, — покачал он головой. — На Западе народ шумный, напористый, любят себя показать. Будешь мямлить — мигом на шею сядут, уж поверь. Помнишь, я на курсы ходил? Наш преподаватель-иностранец открыто говорил: азиатов за границей частенько держат за беззащитных слабаков. Налегай там на спорт, а если кто полезет — не тушуйся, бей сразу в челюсть. Только силу они и понимают.

— Да ну, скажешь тоже... Неужели всё так страшно? — заикнулся Се Сюэ. — К тому же я еду учиться, а не драться. Если ввяжусь в потасовку, меня живо отчислят и домой отправят.

— Глупости, самооборона — это не хулиганство, — отмахнулся Гоудань. — И вообще, ты теперь лицо нашей родины. Будешь пресмыкаться — подумают, что мы все тут бесхребетные. И кстати, заморские девчонки обожают крепких парней. Глядишь, через пару лет вернёшься домой под ручку с золотоволосой и голубоглазой невесткой.

Компания грохнула со смеху и принялась улюлюкать. Бедный парень залился краской до ушей и только отчаянно мотал головой.

— Ладно, дело твоё, — примирительно вздохнул Гоудань. — Жизнь сама всему научит, когда пару раз набьёшь шишки.

Застолье шумело. Но сложно было сказать, кто из собравшихся искренне радовался встрече со старыми друзьями, а у кого в глубине души зрела глухая, удушливая зависть.

Вернувшись домой, Гоудань заметил, что А-Сюань выглядит как-то нерешительно, словно хочет сказать что-то важное, но никак не отважится.

— Случилось чего? — поинтересовался он.

— Да тут такое дело... — А-Сюань неловко кашлянул. — В общем, меня тоже вызывали на беседу. Предлагали подать документы на стажировку за границей.

— Что?! — Гоудань от неожиданности едва не выронил ключи. — И что ты решил? Неужели согласился?..

— Да нет же, успокойся! — заметив, как побледнел его названный брат, А-Сюань поспешно замахал руками. — Я сразу отказался. Сказал, пусть лучше отдадут место кому-нибудь другому, мне это не нужно.

Гоудань шумно выдохнул, чувствуя, как от сердца отлегло, но всё же посчитал нужным добавить:

— Но ведь ты занимаешься западной медициной. Сам знаешь, все передовые технологии и свежие научные труды появляются именно там, за океаном. Стажировка подняла бы твои навыки на совершенно иной уровень. Вернулся бы дипломированным специалистом с мировым именем, в любую столичную клинику оторвали бы с руками. Из заграничных кадров у нас сейчас чуть ли не иконы делают.

— Ну уеду я, а ты как же? — тихо возразил А-Сюань. — К тому же не думаю, что эта поездка перевернула бы мою жизнь. Всё новейшее оборудование наши больницы один чёрт закупает за огромные деньги за рубежом, теория тут мало поможет.

В душе Гоуданя боролись детская радость и лёгкое сожаление.

— Тоже верно. С твоим-то талантом никакие хваленые обладатели импортных дипломов не сравнятся — ты их одной левой обойдёшь. Ладно, не переживай. Вот раскручусь как следует, заработаю кучу денег и построю для тебя самую лучшую частную клинику. Будешь там полноправным главврачом, а все эти зазнайки из-за границы пойдут к тебе в услужение.

А-Сюань весело рассмеялся:

— Опять фантазируешь! У нас все больницы государственные, где это видано, чтобы частники свои госпитали открывали?

Разговор сошёл на нет, но сама тема из повседневной жизни никуда не делась. Слухи ширились с каждым днём: то один знакомый уехал за океан, то другой ради заветной визы пустил с молотка родительский дом или развёлся с женой. У Гоуданя за годы учёбы в школе и университете накопилось огромное количество связей, так что новости о том, что очередной приятель, сосед или седьмая вода на киселе пакует чемоданы, сыпались как из рога изобилия.

Заграничная лихорадка превратилась в нескончаемый гул, из-за чего сама идея переезда со временем перестала казаться чем-то из ряда вон выходящим.

Иногда в почтовом ящике обнаруживались конверты с яркими иностранными марками. Все они, впрочем, подчинялись одному негласному закону: поначалу весточки приходили часто, но со временем поток иссякал. В первых письмах уехавшие взахлёб расписывали прелести капиталистического рая, восхищаясь местным изобилием, ухоженными улочками и высокими доходами, попутно сокрушаясь о том, в какой бедности и изоляции осталась их покинутая родина.

Если упростить донельзя: «Там и луна ярче светит, и воздух слаще».

Позже, однако, до Гоуданя стали доходить слухи иного толка. Оказывается, сладкая жизнь за границей улыбалась далеко не каждому. Студентам, уехавшим по государственной линии, казна оплачивала лишь само обучение, а вот аренду жилья, питание и прочие мелкие расходы приходилось покрывать самостоятельно. Для многих эта финансовая кабала оказывалась непосильным бременем.

Избалованные домашней заботой вчерашние маменькины сынки и дочери в чужой стране стремительно окунались во взрослую жизнь. Чтобы элементарно выжить и не протянуть ноги, им приходилось пахать до седьмого пота: драить грязную посуду на кухнях дешёвых ресторанчиков или разносить подносы.

Поговаривали даже, что наши дипломы там гроша ломаного не стоят — иностранцы их попросту отказывались признавать.

Те, кто на родине занимал солидные должности и имел прекрасные карьерные перспективы, за океаном мгновенно превращались в никого. Тамошним боссам было плевать на бывшие заслуги и регалии в Китае. Найти хоть сколько-нибудь приличную работу по специальности казалось невыполнимой миссией. Везло лишь тем, у кого за спиной стояли обеспеченные родственники, способные регулярно высылать переводы в валюте — эти счастливицы хотя бы могли позволить себе грызть гранит науки, не отвлекаясь на рабский труд.

Но у подавляющего большинства жизнь мёдом не казалась. Жуткий дефицит денег накладывался на колоссальную учебную нагрузку, ломая даже самых стойких. Жестокая реальность быстро сбивала спесь с недавних мечтателей.

Двухэтажные особняки и новенькие автомобили действительно существовали, но сверкали они в параллельном мире, не имевшем ничего общего с полуничим бытом китайских студентов.

Разумеется, люди ехали с разными целями. Одни искренне жаждали впитать передовые знания, чтобы потом применить их на благо родины; другие же из кожи вон лезли ради шкурного интереса, мечтая любыми путями зацепиться за сытую капиталистическую жизнь.

Со временем Гоудань перестал недоумевать, почему весточки из-за рубежа приходят всё реже. Он прекрасно понимал: ребятам там сейчас элементарно не до переписки. Крутиться у плиты по ночам после изматывающих лекций — тут уж не до эпистолярного жанра, да и лишняя марка стоила денег, которых вечно не хватало.

Тем временем совместное предприятие с группой «Голубой щит» вышло на финишную прямую. Будущий торговый комплекс уже вымахал на несколько этажей ввысь, подавляя своими масштабами окрестные кварталы. За последние полтора года Гоудань вбухал в эту стройку практически всё, что успел заработать за свою коммерческую карьеру. К счастью, партнёры из «Голубого щита» оправдывали репутацию финансового гиганта — деньгами они сорили не глядя.

Работы продвигались на редкость гладко, а чиновники всех уровней послушно давали проекту зелёный свет.

На очередном совещании с руководством холдинга Гоудань предложил начать кампанию по привлечению арендаторов. Составив солидный список зарубежных брендов, партнёры вознамерились планомерно обрабатывать каждого кандидата, чтобы заманить их под крышу нового торгового центра.

— Сейчас это первоочередная задача, — убеждал представителей «Голубого щита» Гоудань. — Коробка здания почти готова. Как только завершится госприёмка, мы параллельно запустим внутреннюю отделку. Но контракты с якорными арендаторами нужно подписывать уже вчера. Плюс пора начинать жёсткий отбор отечественных фабрик и торговых сетей, которые сами рвутся к нам. Моё мнение таково: заграничные марки нужны исключительно для статуса, для красивой вывески. Настоящую кассу нам сделает именно отечественный производитель.

— А не разумнее ли сначала полностью завершить отделочные работы, зонировать торговые площади и уже потом приглашать коммерсантов на презентацию? — засомневался генеральный директор Янь Хуайцян. — Так переговоры пойдут куда веселее.

— Излишняя вежливость только повредит, инициатива должна оставаться у нас, — жёстко отрезал Гоудань. — Иностранцам можно предложить базовые преференции, но прогибаться под их требования нельзя. Наш рядовой покупатель в этих заморских ярлыках всё равно ни черта не смыслит. Вот увидите, когда комплекс заработает на полную мощность, они сами выстроятся к нам в очередь и будут умолять о свободных квадратных метрах.

За годы предпринимательской деятельности Гоудань успел плотно поработать с гонконгскими фирмами и прекрасно изучил их повадки. Высокомерие этих деятелей его откровенно раздражало.

— Что ж, логика в твоих словах есть, — кивнул генеральный директор. — Мои люди подготовят черновик стратегии, а потом мы вместе доведём его до ума.

— По рукам, — согласился Гоудань.

«Пусть попробуют свои силы», — мысленно усмехнулся он.

Менеджеры из холдинга привыкли действовать под надёжным крылом могущественных покровителей. В Китае они привыкли, что перед ними заискивают, а любые согласования проходят без сучка и задоринки. Ещё бы, с такими-то связями наверху! Из-за этого ребята изрядно зазвездились и смотрели на всех свысока.

С момента подписания договора Гоудань натерпелся от них немало снисходительного пренебрежения. Приходилось сдерживаться — весовые категории у их компаний пока были слишком разными. Но ничего, пусть теперь эти чинуши лично столкнутся с суровыми законами дикого рынка.

Спрятав документы в кожаную папку, Гоудань крепко пожал руку Янь Хуайцяну и уверенным шагом направился к выходу. Своё время он ценить умел.

Помощник генерального директора, проводив его взглядом, тихонько хмыкнул:

— А этот малый из «Триумфа» с характером. Держится на равных.

— Талантливые люди простыми не бывают, — философски заметил Янь Хуайцян. — Передай нашим умникам из коммерческого отдела, чтобы поумерили спесь. Не надо постоянно давить авторитетом холдинга. Этот парень явно не из тех, кто позволит всю жизнь водить себя за нос.

— Как скажете, директор Янь, — поспешно закивал заместитель.

Спустившись на первый этаж, Гоудань поправил воротник пиджака, сел в свой автомобиль и скомандовал водителю:

— В Пекинский университет.

Сегодня у А-Сюаня намечался важнейший день — защита дипломной работы. После этого он официально завершит обучение в магистратуре.

Сам Гоудань закончил вуз три года назад, в то время как его названный брат выбрал сложную семилетнюю программу непрерывной подготовки врачей. И вот наконец-то финал.

Поистине, путь познания оказался долгим и тернистым.

Машина остановилась у главных ворот университета. Гоудань расплатился, вышел из салона и направился к проходной. Местный вахтёр был его давним знакомым. Ещё в бытность студентом Гоудань частенько перекидывался со стариком парой слов, а когда выпустился, продолжил заглядывать в гости к А-Сюаню. Неудивительно, что добродушный пожилой мужчина сразу его

узнал.

Достав из кармана дорогую импортную пачку, Гоудань выудил сигарету и протянул её собеседнику:

— Ну и жара сегодня стоит, вздохнуть нечем. Угощайтесь, дядя, перекурите это пекло.

— Ха-ха, ну и подлецы же вы, молодые, — беззлобно рассмеялся старик, принимая угощение. — Язык у тебя без костей, любо-дорого послушать.

Гоудань с улыбкой щёлкнул зажигалкой, помогая прикурить.

— Снова за своим приехал? — поинтересовался вахтёр, шумно затянувшись ароматным дымом.

— Ага. У А-Сюаня сегодня защита магистерской диссертации. Последний рубеж остался.

— Эх, — притворно вздохнул старик, сощурившись от удовольствия. — Значит, скоро лавочка закроется, и не видать мне больше такого классного табака.

— Да бросьте вы, дядя! Если захочется покурить хорошего табака — только шепните, мне для вас целой коробки не жалко. К тому же это моя альма-матер, я сюда ещё не раз загляну — преподавателей проведать, по парку прогуляться. Так что обязательно свидимся.

С этими словами он бесцеремонно вложил почти полную пачку в мозолистую ладонь старика. Сам Гоудань к курению был равнодушен и вредной привычкой не страдал, но в кармане всегда носил дорогие сигареты. Нынешние дельцы поголовно дымили как паровозы и не дураки были выпить, так что вовремя предложенное угощение частенько помогало растопить лёд на переговорах. Вот и сейчас — простой жест мигом расположил к нему человека.

Вахтёр без лишней скромности припрятал пачку в карман поношенного френча. Название бренда так и бросалось в глаза — за такую роскошь в обычном магазине пришлось бы выложить кругленькую сумму.

— Ты вроде в прошлый раз заикался, что твоей конторе требуются молодые специалисты? — понизив голос, проговорил старик. — Слушай сюда: подготовь аккуратный плакат с условиями работы, а я раздобуду деревянный стенд и выставлю его прямо у ворот. Здесь ежедневно толпы выпускников шастают. Те, кому с распределением не повезло или место нормальное не досталось, увидят объявление и придут к тебе пытаться счастья.

— Отличная идея! — обрадовался Гоудань. — Обязательно пришлю человека со стендом в ближайшие дни. Спасибо за содействие, дядя.

— Да какое там содействие, дело-то благое, — отмахнулся вахтёр. — Наш университет с каждым годом разрастается, новые факультеты открывают пачками, и выпускников прибывает лавиной. А ведь такая картина по всей стране! Сколько их, молодых специалистов, ежегодно порог вузов переступает? И это мы ещё техникумы да колледжи не считаем. С возобновления госэкзаменов в семьдесят восьмом почитай уже больше десяти лет пролетело. Свободных мест на госпредприятиях небось давно не осталось.

— Глубоко копаете, почтенный, — с уважением кивнул Гоудань. — Действительно, больше десяти лет конвейер работает без остановки.

— Да ладно тебе подлизываться, — усмехнулся старик. — Слухами земля полнится. Поговаривают, скоро лавочку с обязательным распределением прикроют. Уж не знаю, правда или брешут, но если государство умоет руки — куда бедной молодёжи деваться?

Гоудань к этим словам отнёсся со всей серьёзностью. Пусть перед ним стоял обычный вахтёр, но списывать его со счетов не стоило — в таком престижном заведении случайных людей у ворот не держали. Старик числился в штате хозяйственного отдела, имел солидный оклад и, по слухам, приходился какому-то крупному чиновнику из ректората то ли дядей, то ли кузеном. В общем, в кулуарных делах он варился исправно и нужные сплетни улавливал на лету.

— Ну, не стоит заранее паниковать, — попытался успокоить его Гоудань. — Взгляните на меня: дипломом не воспользовался, ушёл в коммерцию и чувствую себя прекрасно. С голоду не пухну.

— Так то ты, — покачал головой старик. — Таких пробивных единицы. Да и родителям спокойнее, когда чадо пристроено на казённые харчи. Для них государственное место — это железная чашка риса на всю оставшуюся жизнь.

Против этого аргумента крыть было нечем. Гоудань неопределённо хмыкнул и благоразумно перевёл разговор на другую тему.

Он не имел ни малейшего представления, каким по счёту в списке выступающих шёл А-Сюань, поэтому заходить внутрь не стал. Территория университета раскинулась на многие гектары — разминуться в лабиринте корпусов и тенистых аллей было проще простого. Попробуй потом отыщи иголку в этом студенческом стоге сена.

Намного надёжнее было дождаться у главного входа. Накануне они договорились, что Гоудань придет встретить своего ненаглядного лекаря, чтобы торжественно отпраздновать его освобождение из добровольного книжного рабства и триумфальное возвращение в мир обычных людей.

А-Сюаня эта шутка ужасно развеселила. Он тогда добродушно посмеялся над Гоуданем, заметив, что тот, сам не любя корпеть над учебниками, почему-то считает чужие научные изыскания каторгой.

«Ты не рыба, — ласковый голос А-Сюаня до сих пор эхом звучал в памяти, — откуда тебе знать, в чём радость рыбы?»

<http://bllate.org/book/19654/1996850>